

Драконы моря
Призрак Карфагена
Чёрные плащи
Принц воров

Москва
Издательство АСТ

ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Фэнтези»
ОМНИБУС

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Посняков А.

П61 **Вандал:** Драконы моря. Призрак Карфагена. Черные плащи. Принц воров. — М.: Издательство АСТ Редакционная группа «Ленинград», 2016. — 992 с.

ISBN 978-5-17-094966-3

Каскадер Саша Петров, принимая участие в съемках «пиратского» фильма, внезапно для себя оказывается в ситуации, которая могла бы видиться ему лишь в страшном сне! Буря, разбившийся о скалы «киношный» корабль, и... вместо уютного гостиничного номера в предместье Туниса – грязный сарай, оборванцы, побои и самое жуткое рабство! Далеко не сразу Александр начинает понимать то, что этот вот, внезапно окруживший его, мир вовсе не тот, к которому он привык. Это мир древности, раннего средневековья, с правом сильного, подлостью, маскирующейся под дружбу, и дружбой, скрепленной вражеской кровью на острие меча!

Чтоб выжить здесь, нужно быть сильным... и умным. Вырваться на свободу, защитить себя и других, обретя славу непобедимого морского вождя – хевдинга, верных соратников и друзей и даже, может быть – любовь....

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-094966-3

© Посняков А., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Драконы
моря

Глава 1

«L'ETOILE»

Я в жизни не видывал ладьи, оснащенной лучше, чем эта...

«Беовульф»

Южное косматое солнце палило так, что, кажется, сдирало кожу. А время, между прочим, было еще раннее, впрочем, еще с вечера снова задул проклятый сирокко — ветер пустыни, приносящий сухую жару и мелкую желтовато-красную пыль.

Море подернулось мелкой зыбью, кое-где перебиваемой всплесками крупных волн, с шумом вздыбивших голубовато-зеленые спины. Одна из таких волн ударила суденышко в борт, едва не развернув поперек ветра — а это было опасно, и шкипер — мускулистый, голый по пояс бородач в штанах из козлиной шкуры, сдвинув кустистые брови, погрозил гребцам кулаком.

А волны опять — а-а-п! И бородач едва успел ухватиться за шкот, иначе б точно свалился.

— Выравнивай, выравнивай, — обернувшись с носовой палубы, громко закричал Гейзерих — могучий красавец в блестящей на солнце кольчуге и сверкающем шлеме, настоящий вождь, этакая белокурая бестия. В правой руке он держал длинный римский меч — спату, — левой ухватился за носовую статую, изображавшую какую-то грудастую деву. Статуя была позолоченной и тоже сияла — больно было смотреть.

— Да поворачивайте же, Водан вас разрази!

И снова волна, на этот раз полуголые гребцы сдюжили, наконец, повернули, поставили судно, как нужно — по ветру. Затрепетал взметнувшийся на единственной мачте парус — огромный, белый с широкими красными полосами.

— Суши весла! — сплюнув, распорядился кормщик.

Сам же тотчас же налег на рулевое весло, большое и тяжелое, удерживая галею на единственно верном пути. «Сверкающая Валькирия» — так гордо именовалось судно, узкое, длинное, низкосидящее, с крепкой обшивкой из дуба и снабженным длинной рукоятью рулевым веслом. Верткое и быстроходное, оно легко вмещало полсотни воинов, это не считая сидевших в один ряд гребцов и команды, вместе называвшиеся галеотами.

И снова волна... И ветер... И соленые брызги, с шумом разбившиеся об бушприт.

Стоявший на носу, у абордажного мостика, вождь улыбался — он и не должен был ничего говорить, лишь только вот так вот стоять, картинно опираясь на сверкающую в солнечных лучах деку, время от времени размахивая мечом и оглядываясь на разместившихся на узкой палубе воинов — вот уж кто были молодец к молодцу: все, как один, здоровущие, косматые, с угрюмыми рожами висельников и убийц! Одетые, кто во что горазд — у кого-то имелись кожаные, с блестящими металлическими бляшками, панцири, кто-то щеголял и римской лорика-сегментата, и чешуйчатой лорика-скуамата, и даже галльской кольчужкой — лорика-хамата, большинство же были по пояс голыми, всю одежду их составляли узкие штаны да обмотки, тщательно оплетенные крепкими ремешками из выдубленной лошадиной кожи. Вооружение всего этого сбро... тьфу, тьфу — великих воинов Водана! — также было весьма разнообразным — короткие и длинные мечи, широкие абордажные сабли, дротики, дубинки, секиры, имелись и короткие, с хищными стрелами, луки. На кроме трепетал длинный — синий с зеленым — вымпел с вышитым золотом изображением Водана — жестокого германского бога.

«Где же купцы?» — думал про себя Гейзерих, стоя на носу и расставив ноги, он знал — они обязательно должны быть, эти гнусные торговцы, которых так легко и приятно будет сейчас щипать... вот уже пора бы им появиться, давно пора, может, вот как раз сейчас, из-за того мыса...

— Уа-а-ауу!!! — громогласный рев вдруг потряс судно.

Вождь улыбнулся — ну, наконец-то, ну вот они...

Кургузые купеческие суда показались из-за мыса, три неповоротливых и, видимо, груженых чем-то весьма ценным, «круглых» кораблика... Что ж, трепещите, трусливые купчишки! Сегодня — день Водана и силингов!

Повинуясь жесту вождя, кормчий махнул рукой помощнику, задававшему ритм гребле. Тот ударил в медные диски... Раз-два... еще раз, еще... мерно, быстро, еще быстрее... Моряки проворно спустили парус — он теперь не нужен, они — лишь помеха...

Раз-два... раз-два...

Весла поднялись и мерно опустились, и снова поднялись... Оглянувшись, Гейзерих невольно улыбнулся, залюбовавшись умелой работой гребцов — раз-два, раз-два...

Ага! Купчишки заметили грозное судно силингов!

Замедлили ход — слышна была ругань кормщиков... пытаются уйти, вновь скрыться за мысом... напрасные надежды!

— Во-дан! Во-дан! Во-дан! — в такт гребцам орали воины, выли, улюлюкали, потрясая мечами и копьями, кто-то уже в нетерпении грыз свой щит...

— Во-дан! Во-дан!

Едва не выпрыгивая из воды, «Сияющая Валькирия» неслась, словно летучая рыба. Вообще-то можно было бы сейчас и не спустать парус... опустить лишь тогда, когда судно подойдет к купцам на расстояние полета стрелы. Гейзерих знал, как это сделать, он прекрасно умел обращаться с парусами... Но на этот раз — ладно, сойдет и так, с веслами — ах, как красиво, как заворачивающе-мощно! Как перекачиваются мускулы у гребцов...

Раз-два... раз-два...

— Во-дан! Во-дан!

Раз-два, раз-два, раз...

Что такое? Откуда здесь, за мысом, взялись эти приземистые, вытянутые, словно хищные рыбы, суда?

— Дромоны!!! — гулко закричал шкипер. — Дромоны! Это ромейский флот! Что будем делать, вождь?

Гейзерих ничего не сказал, лишь сдвинул на лоб шлем, радужным нимбом сверкающий в водяных брызгах. Лишь взмахнул мечом — вперед! Пристало ли славным силингам бояться как-то изнеженных ромеев? Да мы расколошматим их всех, клянусь Воданом!

Вперед!

Гребцы ускорили темп, и вот уже ходкое судно пиратов ударило тараном в борт вражеского корабля. Ромеи, как видно, не ожидали подобной наглости! Дромон вздрогнул и сразу осел, набирая носом воду...

— Во-дан!!!! — ахнул на все море вопль.

Вождь предостерегающе поднял руку — ветер трепетал его алый плащ, небрежно заколотый золотой фибулой в виде головы какой-то фантастической птицы. Нет... этот дромон сейчас — не добыча. Пусть тонет, а вот тот, что спешит к нему на помощь... судя по развевающимся красно-желтым стягам — флагманский... Вот его и... вот его...

На носу вражеского корабля застыл ромейский витязь — голоногий, в короткой кольчуге, в позолоченных поножах и наручах. Глухой серебристый шлем закрывал почти все его лицо, глубоко в прорезанных щелях яростью сверкали глаза, и длинный, жаждущий крови варваров, меч нетерпеливо дрожал в руке воина, и синий плащ трепетал за его могучими плечами.

Это был Елизарий, великий дука ромеев — командующий всем флотом древней и вечно юной Византии.

Не терять скорость... главное — не потерять скорость, вернее — вновь ее набрать. А ну, шкипер... а ну, помощник... Раз-два, раз-два, раз...

Суда сближались. Убыстряя ход, они неслись прямо друг на друга — «Сияющая Валькирия» и флагманский дромон ромеев. Вот сейчас они столкнутся, вот сейчас...

Бабах!!! Вот прямо — таран на таран... Треск ломающихся весел, и грохот такой, что даже заложило уши...

Едва удержавшийся на ногах Гейзерих усмехнулся — вот теперь настало время для пира мечей и копий, время волнующей пляски

секир, время распоротых животов и дымящихся, вываливающихся на палубу кишок, время отрубленных голов, время битвы!

Вперед, славные силинги, не посраим чести предков! И да поможет нам Водан, Донар и все прочие боги...

— Уа-у-у-у!!!

Оттолкнувшись ногами от палубы, Гейзерих перепрыгнул на борт вражеского корабля... о, он хорошо знал, как именно следует прыгать... и как именно вести себя там, на дромоне... Ухватиться за высокий вздыбленный нос... и ладно, что нога едва не соскользнула с тарана, теперь уж все равно, теперь уж вождь силингов здесь, а позади — вот точно так же прыгают, вгрызаются в ряды врагов славные воины, ибо смерть вождя-хевдинга — что может быть позорнее?

А молодой хевдинг, красивый, как бог войны и смерти, уже сбросил с плеч мешающий битве плащ — алый, затканый золотом, он упал в воду, намок... Ничего! Сегодня будет много таких плащей, и еще лучших! Много богатства, много добычи... и много славы — один корабль силингов против трех ромейских дромонов! И это еще не считая робко прижавшихся к побережью купцов. Впрочем — чего из считать-то?

Звените, мечи! Пенитесь, волны! Дуй ветер, дуй! Пой песнь славных хевдингов моря!

Оп!

Оказавшись напротив ромейского дуки, Гейзерих взмахнул мечом... сражаться он умел не хуже, чем обращаться с парусом и веслом.

Дзин-н-н-нь!!!

Однако и Елизарий оказался рубакой не из худших. Вот славно! Это и в самом деле, славно! Победить в честном бою храброго воина — что может быть лучше? Что может быть упоительней? Разве что... гм-гм... прелести юных критских рабынь, что покорно ждут сейчас в трюмах купцов? Хотя — что рабыни, и что — битва? Музыка битвы, песнь стрел — вот она, настоящая жизнь, а смерть — лишь ее продолжение!

Еще удар!

На этот раз выпад произвел ромей, едва не воткнув холодное жало клинка хевдингу в шею. Ага, воткнул... не тут-то было! Уклонившись назад, Гейзерих резко дернул меч вверх, переводя удар в иную плоскость, враг ударил еще, и еще... хевдинг лишь усмехался, выбирая благоприятный момент для атаки... ага, вот...

Краем глаза молодой вождь силингов видел, как и слева, и справа, и впереди — везде — бьются с ромеями его люди, верная дружина, так что подлого удара сзади можно было не опасаться... разве что — шальной стрелы...

Оп!

Влево! Резко — влево, как будто именно с той стороны и задуман удар... Пусть враг в это поверит, пусть дернется... ага!

А вот теперь — получай...

Удар!!!

И растерянный взгляд в прорезях шлема... И выбитый из руки вражий клинок, медленно — нет, это так казалось, что медленно — падающий в море...

А теперь — кулаком в грудь! Не стоит убивать мечом безоружного. Да, дука в кольчуге... но Гейзерих — парень хоть куда! Силен, очень силен — и как бить, знал...

Удар... один только удар могучего кулака... могучей длани... И ромей, потеряв шлем, полетел в воду, следом за своим мечом...

Вот это славно, славно!

Слава Водану! Слава Донару! Слава Тюру!

Ага, этот дромон уже наш! Еще остался один...

— Черт? А это еще что такое? Откуда здесь взялся этот гнусный кораблик?

Хевдинг сплюнул и выругался. Кораблик, действительно оказался гнусный — тархтящая старым, давно не перебранным движком, шхуна с французской надписью — «l'Etoile».

Глава 2

«L'ETOILE» И КОМПАНИЯ

...они поручили
челн теченьям;
сердца их печальны...

«Беовульф»

О, этот хитрый дьявол Алим Кишанди вроде бы оказался человеком дела! Нет, конечно, пришлось поторговаться, и алчный контрабандист выудил из всех последние деньги... а, впрочем, не такие уж они и были большие, эти деньги, вряд ли больше десятка тунисских динаров у каждого, а у этих нищих, из Кот-д'Ивуара — и того меньше, все, что смогли скопить.

Сидя на палубе «l'Etoile», у ржавого, с ошметками светло-зеленой краски, борта, Луи косился краем глаза на своих попутчиков... нет, лучше сказать — невольных спутников — обездоленных африканских парней, таких же, как и он сам, искателей лучшей жизни. А куда было податься искать лучшую жизнь этим беднякам — беднякам, знающим более-менее сносно французский — как не во Францию? Благо земляков там уже было — до дури, а спрос на черную работу не падал. Беглецы — нет, беженцы — черной работы не боялись, боялись таможенников, пограничников, жандармов и всех прочих — Евросоюз давно уже ужесточил квоты на иммиграцию, точнее сказать — урезал их совсем. Оставалось одно — пробиваться вот как сейчас — нелегально, на шхуне старого тунисского контрабандиста Алима Кишанди, чтоб он подавился своими динарами! Хотя... нет, нет, дай ему здоровья Иисус Христос и Пресвятая Дева, если бы не

он... Да и черт с ними, с деньгами, там заработаем, лишь бы доплыть, лишь бы добраться... пробраться — лучше уж так сказать. Лишь бы пробраться, а там... А там — молочные реки, кисельные берега... там...

Луи закрыл глаза, силясь представить себя... гм-гм... ну, скажем, на Елисейских полях, почему бы и нет? В ярко-зеленой, расшитой золотом livрее ресторана «Лидо»... А несят ли служащие ресторана ливреи? Швейцары — наверное... да если и не носят, какая разница? Еще говорят, в Париже не хватает водителей городских автобусов — вот бы выучиться! — правда, это уж мечта так мечта! Все равно, что катать туристов по Сене на «Батомуш» — маленьких речных трамвайчиках.

— Мадам-месье, прошу вас... посмотрите направо — всемирно знаменитый музей д'Орсе с полотнами импрессионистов, налево... черт его знает, что там налево? Площадь де ля Конкорд, кажется... ну да — с обелиском. Так! Налево — площадь Конкорд, направо — музей д'Орсэ, с импрессионистами... Кто такие импрессионисты, Луи не знал, хотя и был любознательным юношей, но вот слово почему-то запомнилось — уж больно было красивым, из той, лучшей жизни, что грезилась, что приходила порой в сладких голодных снах в убогой хижине на окраине Нгуеро — племенной деревеньки ибо на самой окраине Нигерии, на границе с Нигером. Да — Нигер и Нигерия — два разных государства, Луи устал уже объяснять это толстяку Аннолезу из Кот-д'Ивуар и его компании — таким же сирым, убогим и неразвитым, как и сам Аннолез... и как они еще французский-то выучили? Хотя — французский в Кот-д'Ивуар все ж таки язык государственный... как и в Нигерии — второй, наряду с английским — как и в соседнем Нигере, откуда этот гнусный краснорожий Нгоно — фульбе, скотовод, кочевник... Сволочи они все, это фульбе, хуже туарегов, ишь, ухмыляется, харя красная... у фульбе вообще не только морда, вся кожа красноватого оттенка, словно бы пропиталась кровью, ну да — они же убийцы, эти проклятые фульбе! Недаром у всех них тонкие — как у гончих собак! — носы и такие же тонкие — змеиные, ну, точно — змеиные! — губы. Убийцы, убийцы... Луи невольно поежился и тут же отвел взгляд, случайно столкнувшись с карими глазами Нгоно. Такие, как этот Нгоно, фульбе, явились в деревню в ночь, точнее сказать — из ночи. Убийцы в длинных накидках. У всех были копыа, а у одного — главного — автомат! Китайский — «калашников». Они убивали всех, не оставив в живых никого — вырезали поголовно, лишь Луи удалось спастись, спрятавшись на дне выгребной ямы. И стоны — страшные стоны соплеменников — все время преследовали его по ночам, хотя прошло уже... А сколько, интересно, прошло? Так... Луи задумчиво поскреб затылок. Сейчас ему пятнадцать... шестнадцать почти, а тогда было — восемь? Десять? Да, что-то около этого. И так-то жили, прямо сказать, в голоде, а уж после налета фульбе... Он-то, Луи Боттака, был ибо. Их и убивали за то, что они — ибо. Давняя племенная вражда... Сейчас фульбе были сильнее. Даже не сильнее — неулови-

мее! Ибо — земледельцы, фульбе — скотоводы-кочевники, попробуй, поймай их! Откочую в Нигер, а там... Проклятые, проклятые фульбе, убийцы, нехристи... вот уж действительно, нехристи — натуральные идолопоклонники, язычники, чего уж там, таким только убивать.

Сам Луи, конечно, тоже не был крещен с рождения — это уж потом, когда выбрался, скитался, пришел к дальной родственнице в Кано — хороший, большой, город — четыреста двадцать тысяч!!! — настоящий мегаполис — для Африки, конечно — с почти-что-небоскребами и современными памятниками. В Кано много кто жил: хауса, йоруба, ибо, ибибио, канури, те же проклятые фульбе... Там и тетка жила... троюродная, кажется... набожная такая старушка, звали ее тетушка Адель, она и в начальную — бесплатную — школу новоявленного племянничка пристроила и отвела к кюре, в церковь. Кюре тоже был ибо — добродушный, толстощекий падре Ансельм.

Эх... хорошая была жизнь, жаль, тетушка померла от какой-то болезни. В тот год многие померли...

В школе Луи учился неплохо — учителя были строгие — чуть что, линейкой по рукам били, в угол на толченый кирпич ставили — не забалуешь! Их стараниями Луи и французский выучил, и о Париже узнал... вообще-то английскому тоже учили, в Нигерии ведь оба этих языка — государственные, — но, школа находилась при католической миссии, а там англичан не очень жаловали, больше — католиков-французов. Нет, конечно, английский Луи тоже знал, но так, плохо, куда хуже французского... Однако тот язык, на котором общались эти парни из Кот-д'Ивуар или те же фульбе — ух, краснорожие! Это был не совсем французский... какое-то его подобие. Впрочем, даже на этом «пиджине» беженцы друг друга понимали... вот и сейчас Луи, наострив уши, услышал, как сидевший на палубе у самой мачты Нгоно, покосившись в его сторону, бросил своим сквоззь зубы: ишь, мол, этот гнусный ибо так глазищами и зыркает, наверное, зарезать хочет, сволочь...

И — гад! — специально по-французски все это произнес, не на фульбе, чтобы, значит, «гнусной сволочи ибо» все понятно было.

Ла-адно, подождите еще! Еще, бог даст, поквитаемся.

Луи специально отвернулся, а потом и вообще встал да пошел себе, насвистывая какую-то прилипчивую мелодию... старую, еще деревенскую, песню, племенную ибо, какую когда-то пела убитая налетчиками фульбе мать. Походил — качало, и оттого закружилась голова, да и вообще, потянуло блевать... наверное, было бы что в желедке, может, и выbleвал бы, а так...

Уселся в тени кормовой надстройки, прижался спиной к фальшборту и, сняв с шеи медное распятие-крестик, принялся начищать его об джинсы, старенькие, много раз штопаные, выданные как гуманитарная помощь. Начищал, полировал, думал... Потом достал из специально пришитого к рубашке кармана паспорт... полистал. Хоть и без всяких виз, но документ есть документ, всегда сгодится. Полистал, убрал... и снова задумался...

Нет, вообще, Кано — хороший город, из всех африканских городов — а Луи, когда пробирался в Тунис, видел и нигерские, и алжирские города и даже оазисы в Сахаре — самый лучший, самый красивый, но... но вот места в нем Луи после смерти тетушки, увы, не было. Ведь все жили кланами, а он, получается, пришлый... никто! А раз ты никто, то и звать тебя никак, и никому ты не нужен — лишний человек, лишний рот... а лишние рты бедной Африке не нужны — обуза! И некуда податься — ну вот совсем некуда: даже разгружать чего — попробуй сунься, там уж все меж своими поделено, лучше и не мечтать... Чего только Луи после смерти тетки ни делал! Милостыню просил — тоже, много-то не подадут, а еще и смотри, как бы не попасться на глаза профессиональным нищим — уж точно зарежут, или уведут в джунгли, к колдунам, — а уж те разберут по косточкам, по органам, в буквальном смысле слова разберут — печенька, селезенка, легкие, роговицы — все в черном колдовском деле сгодится! Бывали случаи, Луи сам несколько подобных историй знал... Ужас!

Вот и решил сваливать... Насобирав денег, так, мелочь, потом как-то повезло — от автовокзала одной богатой женщине (нет, скорее, просто — зажиточной) вещи поднес... потом так и стал около автостанции ошиваться, стараясь не попадаться на глаза местным. Но те, конечно, все равно узнали, подстерегли, избили... хорошо не убили и колдунам не отдали, проявили, можно сказать, гуманизм. А еще хорошо, что все заработанные денежки — что не проел — Луи с собой не носил, припрятал на церковном дворе, у отца Ансельма. Он же, отец Ансельм тоже помог, и очень неплохо помог — посадил в попутный грузовик до Агадеса. Агадес — это уже Нигер, это уже — до Франции — почти полпути... ну, не полпути... пусть треть... четверть... не важно, главное было — первый шаг сделать. Луи и сделал, спасибо отцу Ансельму.

Кюре перекрестил на прощанье, крестик вот подарил, ничего особо желать не стал, лишь улыбнулся: мол, французский ты знаешь, не пропадешь, доберешься. Так и случилось, не пропал...

В Агадесе вот встретился с такими же беженцами из Кот-д'Ивуара, с Мали. Те парни с Берега Слоновой Кости — Аннолез и его братия — почти всю Французскую Африку пересекли, да что там — почти — всю! Кот-д'Ивуар (который Берег Слоновой Кости), Буркина Фасо (которая Верхняя Вольта), Мали (эта как только ни называлась), Алжир... Из Нигера в Алжир беженцы с караваном пошли, с берберами. Верблюды, колючки, скрипящий на зубах песок... а ночи холодные — зуб на зуб не попадал, брр!!! К тому же берберы их не просто так с собой взяли — использовали, можно сказать, вместо рабов — в самом прямом смысле! Парни и тюки какие-то на себе тащили, и прислуживали, и все, что угодно... вплоть до самого, не к столу будь сказанного. Луи — тоже, а куда денешься? Бросят в пустыне — кто там найдет чьи-то кости? А и найдут, так... Человек в Африке — невелика ценность.

Луи держался... трудно было, иногда даже вообще — невозможно, но держался. Слезы глотал пополам с песком и едкой — от костра из верблюжьего помета — сажей, все вспоминал... нет, не мать... отец давно, еще в самом раннем детстве на охоте погиб, а убитую фульбе мать, сестер, братьев и прочих родственников вспоминать было горько. А тут и так несладко, к чему еще и воспоминанья эти? Лучше вот... что там дальше-то, если по Сене, на «Батомуш»? Мост Александра Третьего? Нет — мост Искусств.

— Все сидим? — на палубе показался Алим Кишанди, хозяин судна.

Кто он там был, араб, бербер или вообще еврей, Луи не особенно интересовался. Знал одно — месье Кишанди тот еще выжига! Мало того что он забрал в оплату за «провоз» все, что у несчастных беженцев имелось, так они еще и горбатились на него три месяца подряд, совершенно бесплатно... то есть в счет будущего, конечно же. Жили на портовом складе — развалюхе, снятой для них ушлым контрабандистом в Карфагене, близ рю Виржилъ. Древние развалины, не особенно-то и людный порт, недалеко — за авеню Хабиба Бургиба — одноколейная железнодорожная ветка. Карфаген... Говорят, в древние времена это был жутко знаменитый город, Луи сам об этом читал в школьном учебнике. Да уж, были времена, но они давно прошли, и ныне Карфаген — всего лишь пригород Туниса, правда — с древними развалинами, римскими термами и национальным музеем, что располагался в бывшем соборе Людовика Святого. Луи бы, конечно, хотел туда сходить, но увы, увы... Хозяин требовал работу!

От заката и до рассвета (как в нашумевшем фильме) беженцы ловили и разделявали рыбу — чем больше, тем лучше, Алим Кишанди не упускал случай показать свое недовольство, мол, только по доброте душевной и согласился, рискуя жизнью, переправить «этих бездельников». Ага, по доброте душевной... как же! Вкальвали, как рабы! Не только рыбой занимались, еще и ограду вокруг хозяйского особняка поправили, а особнячок-то располагался в нехилом таком предместье — Сиди-Бу-Саид — с белыми и голубыми домами. Богатое, можно даже сказать, райское местечко, без всякого автомобильного шума — запрещено! Как и строить дома другого — не белого и не голубого — цвета — тоже. В общем, тот еще хмырь был «почтеннейший негоциант» Алим Кишанди, что уж тут говорить — эксплуатировал дармовый труд на всю катушку.

Правда, похоже, не обманул — вот сейчас вот плыли. На Корсику — было там одно место, и были верные люди... помогли...

— Если вдруг пограничный катер, мы — мирные рыбаки из Бизерты, просто немного сблизись с пути, судно-то — старое, — обмахиваясь газетой, инстинктивно почтительно столпившихся вокруг беженцев месье Кишанди... Кишанди-реис — так он любил себя называть. — Как подойдем к деревне — я скажу — переправитесь на лодке... а уж там, если попадетесь — ваша вина, вам и отбрезиваться, ясно?